

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.2.023

УДК 304

*О. А. Ефремов**

ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ЧТО ПРЕДВИДЕЛ ПИСАТЕЛЬ?*

Данный текст посвящен некоторым мыслям Ф. М. Достоевского, содержащим, на наш взгляд, предвидение того, что происходит в современном обществе. Мы полагаем, что важнейшей заслугой писателя было изучения «подполья» человеческой души, представавшего как бездна опасных страстей, но одновременно и как источник надежды на совершенствование человека и раскрытие доброго начала в нем. Соответственно, Достоевский признавал химеричность любых социальных форм, построенных в условиях неукротенной (неисцеленной) бездны. Мы выделяем три таких провидения: невыносимость свободы, судьбу социализма и ультралиберальную вседозволенность. Вседозволенность претворяется в устранение всякой социальной нормативности как якобы репрессивной по отношению к человеку и замену ее альтернативностью, т. е. ничем не ограниченным полем произвольно избираемых альтернатив. Мы называем подобное состояние «тотальной аномией». Западная мысль в лице Фрейда и его последователей также обратилась к «бездне» и пыталась найти рационально-терапевтический способ ее укрощения. Западный проект провалился, а поскольку его итогом стало простое раскрепощение «бездны», внес свой вклад в разрушительную для общества и человека «тотальную аномию». Путь «исцеления бездны», предлагаемый Достоевским, — христианский путь смирения и любви, принципы которого выражены, в частности, в поучениях старца Зосимы и согласуются с мыслями русских святых XIX–XX веков.

Ключевые слова: Достоевский, социализм, свобода, тотальная аномия, современное общество, смирение, любовь.

* Ефремов Олег Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; olaefr@yandex.ru

** Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This text is devoted to some of Dostoevsky's thoughts, which in our opinion, contain foresight of what is happening in modern society. We believe that the writer's most important achievement was his look into "the underworld" of the human soul, which is presented as an abyss of dangerous passions, but at the same time as a source of hope for the perfection of man and the revelation of the good beginning in him. Accordingly, Dostoevsky was aware of the chimericality of any social forms built in the midst of an untamed (unhealed) abyss. We distinguish three such providences: the intolerability of freedom, the fate of socialism, and ultra-liberal permissiveness. Permissiveness translates into the elimination of all social normativity as repressive of the individual, and its replacement by alternatives, that is, by an unfettered field of freely chosen alternatives. We call such a condition "total anomie". Western thought, represented by Freud and his followers, also turned to the "abyss" and tried to find a rational-therapeutic way to tame it. The Western project failed, and since its result was simply the liberation of the "abyss", it contributed to the "total anomie", destructive for society and man. The way of "healing the abyss" proposed by Dostoevsky is the Christian way of humility and love, whose principles are expressed, in particular, in the teachings of the elder Zosima and agree with the thoughts of Russian saints of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Dostoyevsky, socialism, freedom, total anomie, modern society, humility, love.

Мало есть русских (да и не только русских) писателей, чьё наследие вызывало бы столь оживленный и непреходящий интерес со стороны представителей самых разных социальных групп и профессий. Причем, не только в России.

Философский интерес к Достоевскому — традиционно напряженный. Собственно, этот интерес сразу снимает вопрос о «философичности» Достоевского. Если философы уже полтора столетия находят, что обсуждать в поле творчества писателя, значит, там есть философия. Неудивительно включение материала о Достоевском в классические курсы истории русской философии Н. О. Лосского [8] и В. В. Зеньковского [6].

Данная статья — попытка соотнести некоторые идеи Ф. М. Достоевского с происходящим в современном обществе. Можно сказать, что это ретроспективный взгляд, обнаруживающий во взглядах писателя предвидение (провидение) событий и процессов современности. Одновременно это и своеобразный диалог исследователя современности с классиком русской литературы. Мы отдаем себе отчет, что вполне возможно слишком смело реконструируем позицию Достоевского, приписывая ему что-то «от себя», тем более что не все можно подтвердить строго (буквально) текстологически, и мы вынуждены (как, впрочем, и во всяком диалоге) осуществлять интерпретацию мысли классика.

Достоевский, безусловно, относится к числу писателей, мысли которых звучат чрезвычайно актуально, недаром так часто обращаются к его произведениям не только литературоведы, но и психологи, философы, социологи, историки, да и просто люди, ищущие понимания своей эпохи и себя в ситуации этой эпохи.

Мы хотели бы обратить внимание на несколько идей Ф. М. Достоевского, особенно важных сегодня, — идей, учитывая ход дальнейших событий, звучавших как предвидение (провидение), причем провидение сбывающееся.

Почему мы предпочитаем использовать именно слово «провидение»? С одной стороны, нам хотелось бы избежать мистики, и потому мы не говорим о «пророчестве» или даже о «предсказании» (претит превращать русского пи-

сателя в пифию). С другой — идеи, о которых идет речь, вряд ли можно считать строго рационально сформулированными и обоснованными — это мешает придать им статус «научных прогнозов». Провидение в данном случае — проявление гениальности, позволяющее избранным обнаружить то, что до поры до времени скрыто от остальных и лишь со временем становится очевидным.

Данные идеи выступают частью художественных произведений писателя, высказываются (выражаются) его героями, потому реконструкция (как уже отмечалось выше) приобретает характер диалогической интерпретации, не лишенной определенной субъективности. Субъективности как чисто личностной, так и связанной с особенностями эпохи, заставляющей порой иначе ставить акценты, переоценивать значимость отдельных компонентов целого.

Трудно сказать, насколько эти провидения были существенны и продуманны для самого Достоевского, но очевидно, что они были частью его миро-созерцания, творчески отражавшего переживаемую реальность.

Очевидно, что главным предметом интереса Достоевского была душа человеческая, но не ясное, рациональное в ней, а «подполье» — скрытое, мощное, бурное, по отношению к чему ясное и рациональное выступает порой только формой внешнего выражения, презентации, осуществления. Как писал В. В. Зеньковский, «антропология Достоевского прежде всего посвящена “подполью” в человеке» [6, с. 229]. Мы бы назвали это «бездной»: писатель стремится заглянуть именно в бездну человеческой души.

Философ, с которым очень часто сопоставляют Достоевского, Ф. Ницше сказал: «Если долго смотреть в бездну, бездна начинает смотреть на тебя». Бездна человеческой души, в которую удалось заглянуть русскому писателю, одновременно и ужасала его, и служила основанием робкой, но твердой надежды. С одной стороны, он видел там бушующие страсти, способные погубить человека и разрушить все вокруг него: эгоизм, сластолюбие, злобу, гордыню. С другой — что-то великое, светлое, истинное, скрытое и замутненное страстями, но способное когда-нибудь стать началом мира и добра.

Достоевский понимал химеричность любого, даже самого правильного социального устройства, построенного на неукротенной бездне. Он отказывался видеть в человеке только «совокупность общественных отношений», сознавая, что любые общественные отношения неукротенная и неисцеленная бездна «перестроит» под себя, поставит себе на службу, превратит в форму своей реализации. Благие намерения неизбежно будут похоронены злыми страстями.

Комментируя впечатление, произведенное на него «Анной Карениной», Достоевский писал:

...никакой муравейник, никакое торжество «четвертого сословия», никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следственно, и от виновности и преступности... Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегните зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой [3, с. 237].

И первым провидением Достоевского можно считать невыносимость бремени свободы, выраженное, прежде всего, в блестящей «Легенде о Вели-

ком Инквизиторе» [2, с. 254–271]. Исследование данной проблемы в XX веке связывают в первую очередь с именем Э. Фромма, с его классическим трудом «Бегство от свободы» [13]. Однако создается ощущение, что вся работа Фромма — развитие и раскрытие идеи Достоевского. «Легенда о Великом Инквизиторе» — квинтэссенция всего сказанного немецким философом и психологом. Действительно, здесь и невыносимость свободы для обычного человека, и готовность отдать эту свободу тому, кто даст тебе взамен хлеб, веру или суеверие, стабильность и уверенность. Стремление с радостью и сладостью подчиниться силе.

Но какая свобода порождает стремление к бегству? Отрицательная свобода, «свобода от», анализом которой в различных аспектах так много занимались в XX столетии, противопоставляя ее позитивной «свободе для». Но не о такой ли свободе говорит и Достоевский? Свободе беспрепятственно реализуемой бездны, свободе разгулявшихся страстей, губительной для человека и общества. Своеволие и гордыня неизбежно превратят жизнь в ад, и, спасаясь от этого ада, человек будет счастлив отдать свою свободу кому-то, кто покажет себя достаточно сильным, чтобы ее взять. А возможно ли превращение негативной свободы в позитивную без исцеления «бездны»?

Второе провидение — провидение о судьбе социализма, высказанное в «Бесах». Как и все благородные люди того времени, в молодости Достоевский придерживался социалистических взглядов, за что и поплатился каторгой (а мог бы и жизнью). Однако позже он понимает, что социалистическое устройство, сочетаемое с неукротенной бездной, ведет к власти бесов, к шигалёвщине, суть которой, словами самого героя: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [1, с. 378]. Соответственно, не истинная свобода и процветание человека ждет нас в этом обществе, а новая форма рабства — обосновываемого, впрочем, вполне логично и в духе идей «Легенды о Великом Инквизиторе» — где горстка избранных будет повелевать, остальные — беспрекословно подчиняться. А по-другому и быть не может. Ибо в условиях неукротенной бездны социализм неизбежно превращается в деспотическую систему ее сдерживания.

А малая группа избранных тоже счастливой не будет, как явствует из «Легенды о Великом Инквизиторе»: им нести бремя власти.

Но шигалёвщина — лишь одна из форм социализма, тогда, возможно, более очевидная. Но гениальность Достоевского проявилась и в том, что он увидел иную разновидность социалистической идеи — религиозно-националистическую. По аналогии с шигалёвщиной ее можно назвать шатовщиной, ибо в «Бесах» она представлена во взглядах И. П. Шатова. Разумеется, данная версия представлена не так ярко, но тем не менее талант Достоевского позволяет, как обычно, увидеть и выразить самое существенное. Шатов верит в «народ-богоносец», «в православие», «в церковь». Но не в Бога! В Бога он только «будет» верить. Невольно возникают аналогии с уродливым современным феноменом «православного социализма», который чаще всего естественно вырождается в «православный сталинизм» [11; 12]. Православию там уготована роль государственной идеологии, а Бог становится просто инстанцией, легитимирующей волю группки «избранных».

Отношение Достоевского к официальному православию, церкви — очень сложный и болезненный вопрос. Не вызывает сомнения, что он глубоко религиозный человек. Человек, в котором велика тоска по Богу и тяга к Нему. Но, как часто бывает, эта тоска не находила утоления в рамках официального православия. Реальность церкви разочаровывала писателя. Вместе с тем, глубокие христианские чувства не давали ему уйти в ересь. И выходом стал феномен старчества. Старчество — явление сугубо православное, внутрицерковное (ни в коем случае не антицерковное), но внутри официальной православной церкви стоящее особняком. Старец — не сан и не чин, он в этом качестве вне иерархии. Зачастую высочайший духовный авторитет старцев вызывал неприязнь у официальных иерархов, да и просто в церковной среде. Достоевский общался со старцами, в своих произведениях создал прекрасные образы старцев — Зосимы («Братья Карамазовы») и Тихона («Бесы»). В том числе в их образах находит отражение напряженность отношений старцев как с церковной средой, так и с народными суевериями.

В старцах находит Достоевский подлинное высокое христианство — религию смирения и любви.

Однако Достоевский отрицает не только официализацию православия, но и попытку «национализировать» Бога, сделать из православия идеологическую опору национализма. Шатовская речь об «особенном» для каждого народа Боге и особой роли русского народа звучит трагикомично и рассыпается все от того же вопроса: «...веруете вы сами в бога или нет?» «Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... — залепетал в исступлении Шатов» [1, с. 241]. Вместо веры в Бога получается «лепет в исступлении».

Достоевского часто называют «почвенником». Действительно, он не только был глубоко национальным писателем, но и, без сомнения, патриотом русской культуры. Однако его понимание русскости было совершенно чуждо ограниченному национализму и высокомерному агрессивному мессианизму. Прекрасна в данном отношении «Пушкинская речь» писателя (очерк «Пушкин»). Особенность русского человека он видит прежде всего во «всемирной отзывчивости», умении понять и уважительно принять чужое, стремлении к единству без подавления. «Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» [4, с. 438]. Все это абсолютно лишено ультраславянофильского высокомерия, эгоистичного и самовлюбленного националистического самолюбования. И вместе с тем этот взгляд сугубо христианский, глубоко религиозный, сопряженный с верой, а не только с рациональным анализом. Подобный подход позволяет видеть как собственные возможности, так и недостатки, мешающие их реализации.

Третье провидение Достоевского связано с процессами, происходящими на современном Западе, с долго считавшимся эталонным западным капитализмом. Здесь мы обращаемся к широко известному тезису (дословно нигде не высказанному, но в различных формулировках встречающемся в произведениях писателя) [7]: «Если Бога нет, то все дозволено». Провидение это заключено в сознании утраты западной культурой понятия святости, а затем

и вообще всего имеющего надчеловеческое значение, независимого от человеческого желания или даже каприза.

Социологически это проявляется в отрицании всякой нормативности (нормы как таковой) и замене ее альтернативностью (т. е. ничем не ограниченным полем произвольно избираемых альтернатив). Мы называем это состояние «тотальной аномией» [5].

Очевидно, что соответствующий подход, преподносимый как торжество либеральной культуры, представляет собой путь к деструкции общества и человека («Если бога нет, то какой же я после этого капитан?» [1, с. 216]); он не развивает, а извращает суть классического либерализма, основанного на принципах строгой нормативности.

Подобное развитие событий русский писатель предвидел еще в XIX столетии:

Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа (ибо церковь, замутив идеал свой, давно и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и абсолютное, — это созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан. Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь, и, если ему не отворят, сломает дверь [3, с. 463].

В роли «четвертого сословия» выступают номадизированные индивиды, маргинальные группы, захватившие социокультурное пространство Европы и Северной Америки, устанавливая свое единственное правило — никаких правил...

А в основе — все та же бунтующая бездна... И ведь на Западе тоже видели эту бездну и сознавали ее опасность. Не в этом ли суть психоанализа? Только Фрейд и его единомышленники подошли к постижению бездны рационально-психологически, а к ее укрощению — терапевтически. Однако, если индивидуальная терапия еще давала порой некоторый эффект, фрейдистская (и тем более неофрейдистская) программа преодоления «неудовлетворенности культурой» явно потерпела крах. Ибо в ее основе — не укрощение или исцеление бездны, а ее раскрепощение, капитуляция перед ней. Сама «тотальная аномия» стала во многом следствием подобного проекта. «Неудовлетворенные культурой» отменили культуру вообще, как ограничивающую «репрессивную» силу, и дали полную волю страстям, греху и пороку. Впрочем, воля страстей отменяет сам «грех» и «порок». Равно как и добродетель, «ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и надобно ее тогда вовсе» [2, с. 646].

Любопытно, что гуру современного маркетинга Й. Риддерстрале и К. Нордстрём рекомендуют желающим преуспеть в мире современного «караоке-капитализма» делать ставку на «грехоновации», эксплуатируя тягу человека к семи главным грехам, которые уже и грехами не считаются [9, с. 245–248].

Какой же путь укрощения или, точнее, исцеления бездны предлагал сам Достоевский?

Нет, не отрицал он разум и рациональный подход. Но прекрасно сознавал, что разумом бездну не укротить. Разум — сила важная, но вспомогательная.

Ответ писателя сугубо христианский. Смирение и любовь. Два теснейшим образом связанных между собой состояния души. Нет христианской любви, той, о которой так прекрасно говорил апостол Павел в 1-м послании к коринфянам (1 Кор. 13), без смирения. Но и смирение без любви оборачивается новой, еще более страшной формой гордыни. И о том, и о другом точно сказано устами старца Зосимы: «Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» [2, с. 328].

Следует сказать, что именно о смирении и любви особенно много писали русские святые XIX столетия, в частности Игнатий Брянчанинов [10]. Данные качества были и в центре внимания русских старцев.

Неудивительно, что со смирением и любовью, побеждающими страсти, бушующие в бездне, связывал Достоевский и преображение человека, и создание прочной основы достойного общества. Вне зависимости от конкретной формы общество это должно быть, по мнению писателя, глубоко народным, исходящим из национальных начал, а не подражанием каким-либо образцам или выдуманному идеалам, хоть бы и европейским. Словами самого Достоевского,

только тогда, освобожденные на миг от Европы, мы займемся уж сами без европейской опеки, нашими общественными идеалами, и непременно исходящими из Христа и личного совершенствования... Вы спросите: какие же могут быть у нас свои общественные и гражданские идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданские, и наши общественные идеалы — лучше ваших европейских, крепче ваших и даже, — о, ужас! — либеральнее ваших! Да, либеральнее, потому что исходят прямо из организма народа нашего, а не лакейски безличная передача с Запада [4, с. 465].

Слова эти звучат более чем современно. Причем, не только в контексте философии, но и в ситуации общественного выбора, в котором находится сейчас Россия, да и человечество вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. — Ленинград: Наука, 1990. — Т. 7.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — М.: «ЭКСМО-ПРЕСС», 1995.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Собр. соч.: в 15 т. — СПб., 1995. — Т. 14.
4. Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. — СПб: Наука, 1995. — Т. 14.
5. Ефремов О. А. Аномия как фундаментальное понятие социальной теории в условиях современного капитализма // Вопросы философии. — 2019. — № 1. — С. 35–38.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. — Ленинград: «ЭГО», 1991. — Т. 1. Ч. 2.
7. Кувакин В. А. Ф. Достоевский: «Если Бога нет, то...» // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 2013. — № 6. — С. 28–39.
8. Лосский Н. О. История русской философии. — М.: Советский писатель, 1991.
9. Ридерстрале Й., Нордстрём К. Караоке-капитализм. — М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2009.

10. Святитель Игнатий Брянчанинов. Избранные творения. — М.: Учреждение культуры, искусства и образования «Духовное преображение», 2014.
11. Сомин Н. В. Почему у России нет альтернативы православному социализму // Развитие и экономика. — 2012. — № 3. — С. 104–111.
12. Сомин Н. В. Православный социализм как русская идея: сб. ст. — М.: Буки веди, 2015. — Ч. 1.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. — Минск, 1998.